В. Ю. ФРАНЧУК

Обращение в летописном тексте

Изобразительная роль обращений в современных восточнославянских языках, их стилистические разновидности и приемы употребления достаточно хорошо изучены.[1] Отмечается, что обращение — это интонационно выделенный компонент предложения, называющий существа или персонифицированные предметы, к которым адресована речь. Наличие обращений усиливает стилистическую функцию чужих слов, выражающих положительную или отрицательную оценку, одобрение или порицание лица, совершившего тот или иной поступок. Функционируют обращения в предложениях различного синтаксического строя. Употребляясь в побудительных, вопросительных и восклицательных предложениях, они служат и для более четкого противопоставления частей сложного предложения с прямой речью, способствуют более яркому выявлению субъекта, которому предписывается, предлагается что-либо сделать, выполнить, отвечать. При недостаточно умелом использовании авторских комментариев обращения играют дополнительную информативную роль.

Конструкции обращения в древнерусском языке изучались преимущественно с точки зрения наличия или отсутствия в них специальной звательной формы. Исключение составляет статья М. Б. Михайловой и Л. Е. Алексеевой «О динамике стилистических функций обращения в древнерусской житийной литературе».[2]

Обращение как средство оценки и характеристики в летописной прямой речи анализировать особенно трудно, так как летописный текст неоднороден. Продуктивным в данном случае представляется предложение О. В. Творогова различать в летописи «речь документальную, иллюстративную и сюжетную».[3] К первой ее разновидности автор относит обращения князей к дружинникам, речи, передаваемые ими через послов, или, наоборот, речи горожан к князю и т. д.

Иллюстративная прямая речь употребляется для оживления описания, и в ней сохраняются основные приемы, присущие документальной речи «Летописец, — пишет О. В. Творогов, — еще не решается отойти от требования документальности, поэтому иллюстративная речь в основном

[1] Грамматика русского языка М, 1954 Т 2, ч 2 С 126—129, Ефимов А И 1) Стилистика художественной речи М, 1961 С 458—473 2) Стилистика русского языка М, 1969 С 207—216, Розенталь Д Е Практическая стилистика русского языка М 1965 С 344—345, Вихованець І Р, Городенська К Г Грищенко А П Граматика української мови Київ, 1982 С 179—180

[2] Историческая стилистика русского языка Петрозаводск, 1990 С 83—87

[3] Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв // Истоки русской беллетристики Л, 1970 С 55 (глава I, автор О В Творогов)

© В Ю Франчук 2004

пересказывает то, что происходит, она легко воссоздается, на основе самой ситуации».[4]

Сюжетная прямая речь, по мнению О. В. Творогова, употребляется чаще всего в составе летописных рассказов для передачи частных бесед, внутренней речи персонажа как средство его характеристики. Являясь одним из важнейших компонентов сюжетного повествования, она отличается эмоциональностью, психологичностью. А диалоги иногда сопровождаются описанием говорящих, их жестов и поз, их настроения.[5] К сюжетной прямой речи О. В. Творогов относит и этикетные монологи князей, подчеркивая их прямую противоположность рассмотренным им диалогам из «Повести временных лет» (разговор новгородца с кудесником, беседа князей Давыда и Святополка с князем Василько Теребовльским, беседа князей на Долобском съезде) [6]

Особенности обращения в документальной и иллюстративной прямой речи наиболее выразительно проявляются в побудительных предложениях с глагольными сказуемыми в форме повелительного наклонения: «Преставися князь руский Ярославь. И еще живу сущю ему, наряди сыны своя, рекы им: „Се аз отхожю свѣта сего, а вы, сыновѣ мои, имѣйте межи собою любовь“» (ПВЛ, с. 113);[7] «И сѣдшим всей братьи в Всеволода на сѣнех, и рече им Всеволод: „Игорю, цѣлуй крест, яко имѣти братью в любов, а Володимир, и Святослав, и Изяслав, цѣлуйте крест ко Игореви, что вы начнеть даяти, но по воли, а не по нужи“» (КЛ, с. 227); «Присла король ко Святославу, тако река: „Брате, пришли сына своего ко мнѣ, чим ти ся есмь обѣщал, то ти исполню“» (КЛ, с. 446); «И посемь Лев приѣха к нему в монастырь и поча молвити Войшелкови: „Куме, напиемся“» (ГВЛ, с. 573).

В таких предложениях побуждение, приказ, просьба и другие волеизъявления относятся к адресатам, имена которых выражены в звательном или именительном падежах.

Встречаются обращения и в вопросительных предложениях прямой вопросительности, близких к побудительным, например: «Ярополк же идяше по немь, плачася с дружиною своею: „Отче, отче мой, что еси бес печали пожил на свѣтѣ семь, многи напасти приемь от людѣй и от братья своея?“» (ПВЛ, с. 141); «Володимер же рече Андрѣеви Гюргевичю и Володимеру Андрѣевичю: „Како есть княжение свата моего, аже рать на нь из Володимеря идеть, а како того не увѣдати? А ты, сын его, сѣдиши в Пересопници, а другый Бѣлѣгородѣ, како того не устеречи?“» (КЛ, с. 289); «В то же веремя Володимир Андрѣевичь нача припрашивати волости у Мьстислава. Мьстислав же уразумѣв, оже извѣтом у него просить волости, рече: „Брате Володимире, ци давно еси хрест цѣловал ко мнѣ и волость взял еси у мене?“» (КЛ).

В повествовательных предложениях, двусложных и односложных, при помощи обращения привлекается внимание адресата к сказанному: «Якоже Олга часто глаголаше: „Аз, сыну, Бога познах и радуюся“» (ПВЛ, с. 40); «И послаша кияне к Святославу, глаголюще· „Ты, княже, чюжей земли ищешь и блюдешь, а своея ся лишив“» (ПВЛ, с. 43); «Святослав же рече: „Право, брате, гнѣвался есмь на тя про то, оже ми еси

[4] Там же С 57
[5] Там же С 58
[6] Там же С 61
[7] Примеры из «Повести временных лет» (ПВЛ), Киевской (КЛ) и Галицко-Волынской (ГВЛ) летописей приводятся по изданию Летопись по Ипатскому списку СПб , 1871 Нумерация страниц в тексте в круглых скобках

Черниговьской волости не исправил“» (КЛ, с. 341); «Онѣм же повѣдающим: „Господине, добри вси и здоровѣ, и боярѣ и слуги“» (ГВЛ, с. 592).

В летописном тексте обращения выражаются различными категориями слов и словосочетаний, здесь употребляются различного рода определения или слова, эмоционально окрашенные, с семантикой положительной или отрицательной оценки. От семантики слова, которым выражено обращение, зависит то, каким стилистическим целям оно служит. Встречаются различные типы обращений: 1) одиночные, выраженные местоимением, собственным или нарицательным именем; 2) развернутые, состоящие из нескольких слов или словосочетаний.

Функция одиночных (простых) обращений заключается в том, чтобы выделить из общего числа лицо или лица, которым адресована речь: «Давыд же князь не пусти княгинѣ с мужем до Киева, рече ей: „Како тя могу, ятры, пустити? А пришла ми вѣсть ночь сь, оже Мьстислав в Василевѣ“» (КЛ, с. 374).

В развернутых обращениях адресат не только называется, но и определяется отношение говорящего к нему. Например: «Василко же ида под город и взя собѣ в руку камения; пришедше под город и нача молвити горожаном, а татарове слышать послании с нимь: „Костянтине холопе, и ты, другий холопе, Лука Иванковичю! Се город брата моего и мой, передайтеся“; молвив, да камень вержеть доловь, дая им разум хитростью, а быша ся билѣ, а не передавалися» (ГВЛ, с. 563).

Встречаются случаи, когда в роли обращения выступает сочетание местоимения с существительным, собственным или нарицательным. В таком случае достигается «большая надежность в передаче языковой информации»,[8] дублирование способствует более четкому выделению лица, к которому обращена речь. Например: «Святослав же съвокупився с братьею своею и с половци, и рече Святослав братьи своей: „Се аз старѣе Ярослава, а ты, Игорю, старѣе Всеволода, а нынѣ я вам во отця мѣсто остался, а велю тобѣ, Игорю, сдѣ остати“» (КЛ, с. 418).

Существительные в качестве обращения, если они сами по себе не несут никакой эмоциональной нагрузки, сочетаются с прилагательными или с другими словами, в сочетании с которыми они наряду с общей выделительной функцией приобретают различные оценочные значения. Например: «Володимѣру же люба бысть рѣчь та <...> и начат молвити княгини своей: „Хочю послати по брата своего по Мьстислава, а бых с ним ряд учинил о землю и о городы, и о тобѣ, княгини моа мила Олго“» (ГВЛ, с. 593).

Отличительной особенностью многих обращений в летописном тексте является использование существительных, обозначающих родственные отношения, для выражения вассальной зависимости.[9] Таким положением вещей объясняется, например, то, что в одном случае герой «Слова о полку Игореве» Святослав Всеволодич признает своих младших родственников Романа и Рюрика Ростиславичей равными себе «братьями» (КЛ, с. 603, 663), а в другом называет Всеволода Юрьевича, двоюродного дядю по матери, не только «братом», но и «сыном» (КЛ, с. 619), подчеркивая тем самым его подчиненное положение.

Указанные выше особенности употребления терминов родства наблюдаются в так называемом «Золотом слове» Святослава: «Тогда великыи

[8] Супрун А Е Лексическая система и методы ее изучения // Методы изучения лексики Минск, 1975 С 19

[9] Подробнее см в нашей работе Киевская летопись Состав и источники в лингвистическом освещении Киев, 1986 С 104—108

Святъслав изрони злато слово слезами смѣшено, и рече· „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати <...> А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава“».[10] Великий князь называет здесь своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода сыновцами-племянниками в феодальном смысле этого слова. Ср. обращение Игоря Святославича к Святославу Всеволодичу, зафиксированное летописцем: «Отче! Добро бяшеть тишина, но оже ся уже не годило; но абы ны Бог дал ты сдоров был» (КЛ, с. 417).

Далее, однако, картина меняется. Всеволод Юрьевич, которого летописный Святослав Всеволодич считает своим вассалом, для автора «Слова» становится великим князем, а «брат и сват» Рюрик превращается в господина-повелителя. Вот эти строки: «Великыи княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага по ногатѣ, а кощеи по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. Ты, буи Рюриче и Давыде! <...> Вступита, господина, в злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!».[11]

Вероятно, именно в этом месте следует видеть переход от «Золотого слова» Святослава к обращениям автора «Слова о полку Игореве». Между тем разные исследователи представляют этот переход по-разному. Так, Е. В. Барсов считает, что «Золотое слово» оканчивается словами «За землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича». «И только затем, — пишет он, — начинаются рассуждения автора от своего лица. От Киевской Руси он обращается мыслию на Запад, к Полоцкому княжеству, некогда славному, с которым связано имя знаменитого Всеслава, и находит, что теперешние его потомки на него не походят и ждать от них помощи — нечего. Поэтому он говорит о полоцких князьях от самого себя и не заставляет Святослава взывать к ним за помощью. Переход к этим рассуждениям — творческий и оригинальный».[12]

О том, что именно Святослав обращался к удельным князьям за помощью, писали Г. Н. Моисеева[13] и другие современные исследователи.[14]

Между тем «Золотое слово» Святослава Всеволодича от призывов автора «Слова о полку Игореве» отличает то, что последний находился на иной социальной ступени. Именно автор, нужно думать, ввел в состав обращений от своего лица термины «князь» и «господин», которых сами повелители Руси, общаясь друг с другом, как правило, избегали.

Сравнение летописного текста и текста «Слова о полку Игореве» показывает, что оба памятника передают отношение к адресату с помощью обращений в соответствии с представлениями своей эпохи.

В сюжетной прямой речи, которая является одним из важнейших компонентов сюжетного повествования в летописи, наблюдается смешение обращений летописного и житийного типов. Представляется, что оно обусловлено вставками житийного плана, включенными в историческое повествование, возможно, в разное время. Ниже приводятся примеры об-

---

[10] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» М., Л., 1965. Вып. 1. С. 20.

[11] Там же. С. 21.

[12] Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 2. С. 55.

[13] Моисеева Г. Н. О времени создания «Слова о полку Игореве» // РЛ. 1985. № 4. С. 15.

[14] Горский А. А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 34.

ращений разного плана из рассказа Киевской летописи об убиении Андрея Боголюбского, которые свидетельствуют о том, что над ее текстом работали разные лица:

«Тѣмь в память убьенья твоего, страстотерпьце княже Андрѣю, удивившася небеснии вои, видяще кровь проливаему за Христа» (с. 397).

«Ты же, страстотерпьче, молися ко Всемогущему Богу о племени своемь и о сродницѣх, и о землѣ Руськой, дати мирови мир» (с. 397).

«И рече один стоя у двѣрий: „Господине, господине!“. И князь рече: „Кто есть?“. И он же рече: „Прокопьи“. И рече князь: „О паробьче! Не Прокопьи“» (с. 398).

«И рече им: „О горе вам, нечестивии! Что уподобитеся Горясѣру? Что вы зло учиних? Аще кровь мою прольясте на землѣ, да Бог отомьстить вы и мой хлѣб“» (с. 398).

«Князь же узрѣв я̀ идуща к собѣ, и въздѣв руцѣ на небо помолися Богу, глаголя: „Аще, Господи, и в сем осужение и конѣць приимаю, аще и много согрѣших, Господи, заповѣди твоя не схранив, но вѣдѣв, яко милостив еси, плачюща видиши и противу течеши, обращая блудьнаго“» (с. 399).

«Князь же възрѣв на небо и рече: „Господи, в руцѣ твои предаю тобѣ дух мой“» (с. 400).

«И нача плакати над ним Кузмище: „Господине мой, како еси не очютил сквѣрных и нечестивых пагубоубийственных ворожьбит своих, идущих к тобѣ, или како ся еси не домыслил побѣдити их, иногда побѣжая полкы поганых болъгар?“» (с. 400—401).

«И рече възрѣв на нь Кузмище: „Амбале вороже, сверзи ковер ли что ли, что постьлати или чим прикрыти господина нашего“» (с. 401).

«И рече Кузмище: „О еретиче! Уже псом выверечи? Помнишь ли, жидовине, в которых порътѣх пришел бяшеть?“» (с. 401).

«И рече Кузмище: „Уже тебе, господине, паробьци твои тебе не знаютъ“» (с. 401).

«И поча весь народ плача молвити: „Уже ли Киеву поѣха, господине, в ту церковь, тѣми Золотыми вороты, их же дѣлать послал бяше“» (с. 402—403).

В приведенных примерах выделяется автор-очевидец трагических событий. В его реалистическом рассказе использованы обращения — названия лиц, принимавших в этих событиях участие: *господине, паробьче, еретиче, жидовине, Амбале вороже*. Зависимость от житийной традиции чувствуется во вставках риторического плана. Сторонник потомков Юрия Долгорукого просит Андрея о помощи его родственникам в тяжелое для них время. Элементы агиографического стиля (обращение к убийцам — *нечестивии*, к Богу — *Господи*), скорее всего, внесены в текст рассказа составителем и редактором Киевской летописи игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем.